

1. Вступление в Дикие земли

Сюй Пин открыл глаза.

Вокруг него сгустилась густая, непроглядная ночная мгла, а в горло просочился тошнотворный, странный запах гнили.

Он лежал не в своей привычной постели.

Сюй Пин потянулся рукой вниз и ощутил под ладонью влагу: он лежал в холодном, мелком водоеме. Вода едва прикрывала дно, но была ледяной, пробирающей до костей, и ощущения были настолько отчетливыми, что это никак не походило на сон.

Вжух —

Перед ним внезапно вспыхнул ослепительный белый свет, словно стадо овец озарило тьму. Сюй Пин зажмурился и закрыл лицо рукой, а из сияния донесся слабый, лишенный сил голос:

— ...Ты пришел.

Перед Сюй Пином с сухим звоном упал кинжал. После того как эхо затихло, тот же надтреснутый, словно разбавленный водой мужской голос произнес:

— Ты должен убить его.

— ...Кого? — спросил Сюй Пин.

— Мэн Чунгуана, — ответил голос.

Голова Сюй Пина раскалывалась, он совершенно не понимал, что происходит. Имя Мэн Чунгуана казалось до боли знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его слышал.

Он решил уточнить детали, чтобы разобраться в ситуации:

— Кто ты такой?

— Я — Сознание Трех Миров, — ответил голос.

Сюй Пин молчал.

Судя по голосу, это Сознание Трех Миров, скорее всего, страдает от чахотки и скоро отдаст концы. Если не вытянуть из него информацию сейчас, потом будет уже поздно.

Сюй Пин, преодолевая головную боль, открыл рот, чтобы задать вопрос, но слова застряли в горле, словно ком ваты.

...Он вспомнил, кто такой Мэн Чунгуан.

В глазах соседей и окружающих Сюй Пин слыл распутником, чудаком и изгоем. Он жил по своим правилам, увлекался сомнительными учениями, заглядывался на каждую встречную красавицу, читал любые книги и водил знакомство с кем попало. Он был вольным, как ветер, жил в свое удовольствие, вечно придумывал хитроумные способы заработка. Когда в кармане водились деньги, он швырял их на ветер, лишь бы послушать новую мелодию; когда же их не было, он не унывал — мог слепить золотой слиток из обычной глины, лишь бы потешить себя. К счастью, в семье его баловали, позволяя вести такой разгульный образ жизни.

От скуки Сюй Пин прочитал немало бульварных романов и решил сам взяться за перо.

Мэн Чунгуан был злодеем из его неоконченного романа — необычайно красивым и невероятно жестоким. Странно, но имя Мэн Чунгуана впервые возникло в его сне. Проснувшись в холодном поту, Сюй Пин не помнил подробностей сна, но имя врезалось в память.

Сразу после пробуждения он начал писать эту историю. Работа шла легко, и меньше чем за месяц он написал около десяти тысяч знаков. В его романе не было положительных героев — это была история о группе заточенных в Диких землях демонов и духов, которые сговорились совершить побег.

Отец однажды прочел черновик и спросил, что именно он пытается написать.

— Да так, балуюсь, — ответил Сюй Пин.

Отец лишь вздохнул и велел ему взяться за учебу, на что Сюй Пин, как обычно, охотно согласился, но ничего менять не стал.

Не успел он написать и половины, как во сне его затянуло в этот мир то самое чахоточное Сознание Трех Миров.

— Ты серьезно нарушил структуру мира, — сказала оно. — Теперь демоны в Диких землях, как ты и писал, зашевелились, намереваясь сбежать и принести беды всему свету.

Брошенный им кинжал снова блеснул синим пламенем, приковывая взгляд Сюй Пина:

— Ты должен использовать этот кинжал, чтобы убить Мэн Чунгуана, который затевает бунт.

Сюй Пин на мгновение остолбенел, а затем рассмеялся:

— Уважаемый, вы ничего не перепутали?

Он закатал рукав, обнажая правую руку. Кисть была отрезана, а вместо нее красовался протез из грушевого дерева.

Сюй Пин спокойно продемонстрировал свое увечье:

— В таком виде вы хотите отправить меня туда? Неужели вы просто хотите, чтобы я сдох?

Сюй Пин помнил, какой уровень силы он прописал Мэн Чунгуану. Это был дух, рожденный из самой энергии мира, холодный, как горный лед, не ставящий ничью жизнь в грош. Однажды кто-то оскорбил его, и Мэн Чунгуан в разгар беседы содрал с того кожу со спины, вырвал позвоночник, растер его в порошок и сделал из него чайную чашку, из которой пил каждый день.

Чахоточный дважды кашлянул и тихо произнес:

— На свете есть лишь один человек, которого он никогда не посмеет обидеть. Я одолжу тебе его тело.

Сюй Пин усмехнулся еще шире:

— А почему бы тогда просто не отправить этого человека убить Мэн Чунгуана?

— Он — старший брат Мэн Чунгуана, — ответил голос. — Из-за того, что Мэн Чунгуан был порочен, убивал товарищей и крал артефакты, брата обвинили в плохом воспитании. Его лишили бессмертной кости, изгнали в мир смертных, и он уже умер там.

Сюй Пин молчал.

Видя его молчание, чахоточный спросил:

— Что скажешь?

— Я скажу, что это невозможно, — отрезал Сюй Пин.

Наступила очередь чахоточного молчать.

Спустя мгновение Сюй Пина охватила неведомая сила, он почувствовал легкость и опрокинулся назад. Белый свет исчез, в затылке засвистел ветер, и он провалился в бездонную пустоту.

Голос чахоточного становился все тише, но, словно колокольный звон, каждое слово врезалось в сознание Сюй Пина:

— Если не убьешь его, останешься в Диких землях навечно!

Сюй Пин из последних сил выругался.

Он летел неизвестно сколько, сердце онемело, прежде чем его тело рухнуло во что-то мягкое.

Он не мог даже пошевелиться.

Сюй Пин летел в пустоте добрую половину часа, пролетая сквозь величественные ворота и кружащиеся цветные потоки, от которых рябило в глазах. Когда он приземлился, то ничего не видел и не слышал, просто лежал пластом.

Внезапно в его голову хлынул поток хаотичных воспоминаний.

Проанализировав их, он удивленно воскликнул. Фрагменты памяти принадлежали старшему брату Мэн Чунгуана, и, как ни странно, его фамилия была той же — Сюй, а звали его Сюй Синчжи.

Воспоминания были отрывочными, но из них удалось кое-что понять. Сюй Синчжи был старшим учеником праведной секты Фэнлин, а Мэн Чунгуан — ребенком, которого он подобрал и привел в горы. Тот был слаб, вечно терпел издевательства, и если бы не защита Синчжи, его бы давно сгубили.

Однако истинной сущностью Мэн Чунгуана был Небесный Демон. Скрывая свою силу, он годами притворялся слабым, чтобы выкрасть священные артефакты четырех великих сект. Он искусно плел интриги, вербовал учеников праведных сект, но в канун Нового года, когда он был близок к цели, его заговор раскрылся. Он собственноручно убил своего учителя, а Сюй Синчжи по иронии судьбы взял вину на себя, был несправедливо осужден и подвергнут пыткам.

Позже секты изгнали Мэн Чунгуана и его сообщников в Дикие земли. Сюй Синчжи, как соучастник, был лишен бессмертия и изгнан в мир смертных.

Убить Мэн Чунгуана было несложно: нужно было вонзить кинжал, пропитанный энергией мира, в алую родинку в центре его лба.

Сюй Пин в отчаянии лежал на земле: Черт, когда я это писал, я не думал о таких сложностях!

Его не интересовали герои, красавицы и любовные истории сект, он просто хотел написать историю об антигерое. Он даже не задумывался о предыстории персонажа. Но теперь его вымысел странным образом совпал с реальностью этого мира. Как две струны, которые не были связаны, пока он не дернул одну, вызвав вибрацию другой.

Сюй Пин, или теперь уже Сюй Синчжи, пришел в себя, сел и нащупал рукой что-то круглое. Опустив взгляд, он понял, что это человеческая голова.

Сюй Синчжи вскочил и с ужасом обнаружил, что в радиусе километра вокруг него — сплошные трупы, разорванные в клочья, повсюду виднелись останки. Обоняние вернулось, и смрад ударил в голову, вызывая тошноту.

К счастью, в своей прошлой жизни он однажды поспорил на серебряный слиток и три дня прожил в похоронном бюро, так что вид тел его не пугал. Но такая картина была для него в новинку.

В своей книге он описывал ужасы каннибализма в Диких землях, но одно дело — слова на бумаге, и совсем другое — видеть это в реальности.

Преодолевая отвращение, он старался ступать осторожно, чтобы поскорее выбраться из этого кладбища.

Вскоре он остановился перед одним из тел. Через мгновение он вскочил и помчался прочь, не оглядываясь.

Он понял: следы на телах были оставлены не зверями, а человеческими зубами. Это место было чьей-то кухней. Если он не уйдет, то сам станет обедом.

Но где в этих бескрайних Диких землях искать Мэн Чунгуана?

Внезапно раздался рык.

Обернувшись, он увидел жуткого человекоподобного монстра, который несся прямо на него. Вместо рук у него были острые бритвы, нос находился на лбу, один глаз — на месте губ, а другой — на шее. Он выглядел как гигантская оплывшая свеча.

Монстр пронесся сквозь гору трупов, разрывая их в кровавое месиво.

Сюй Синчжи выругался и помчался наутек.

Он бежал, не разбирая дороги, пока не выбрался на открытое пространство, и бросился в случайном направлении.

Но монстр не собирался отставать. Сюй Синчжи пробежал почти километр, а чудовище все еще было у него на хвосте. Расстояние сокращалось.

Задыхаясь, Сюй Синчжи краем глаза заметил, что сбоку к нему приближается еще одна обгоревшая человеческая фигура.

Оказавшись между двух огней, он в отчаянии подумал: лучше уж выбрать, кто меня съест, так хотя бы умру с достоинством.

Он не заметил, как первый монстр замедлил шаг. Его смещенные черты лица исказились, глядя на обгоревшую фигуру, словно он увидел нечто ужасное — в его взгляде читались гнев и крайний страх.

Внезапно монстр издал рык и, сменив цель, бросился на обгоревшую фигуру.

Сюй Синчжи решил бежать к обгоревшему человеку. Если его догонит тот, с бритвами вместо рук, будет куда мучительнее.

Когда он приблизился, их взгляды встретились.

Может, ему показалось, но в пустых глазницах черепа, оставшегося от обгоревшего человека, блеснул свет — тревога, забота и странная нежность.

Тот открыл рот, и с челюсти посыпались черные крошки:

— ...Беги...

Сюй Синчжи резко остановился.

Это был человеческий голос. Хриплый, искаженный, но осознанный.

Неужели это такой же изгнанник?

Подумав об этом, он решил не лезть на рожон и, сменив направление, снова бросился бежать.

Обгоревший человек был слишком слаб, чтобы догнать его. Он сделал несколько шагов, окликнул его:

— ...Беги, беги скорее...

Затем он остановился, развернулся лицом к монстру и приоткрыл рот. Его фигура выглядела невероятно одинокой. Но, судя по движению остатков мышц на лице, он усмехался. В отличие от мягкости, с которой он смотрел на Сюй Синчжи, теперь он высоко поднял подбородок, глядя на монстра, словно грациозная черная пантера на твякающего щенка.

Сюй Синчжи не слышал шагов преследователя и обернулся.

Обгоревший человек стоял спиной к нему, лицом к монстру, словно собираясь пожертвовать собой. Его спина выглядела такой хрупкой, что, казалось, порыв ветра мог его свалить.

Сюй Синчжи стиснул зубы и потянулся к груди.

Там лежал кинжал, который сунул ему чахоточный.

Он выхватил его левой рукой, спрятал за спину и двинулся прямо на монстра.

Проходя мимо обгоревшего человека, он не замедлил шага, а наоборот — ускорился.

Тень в изумлении воскликнула:

— ...Старший брат??

Сюй Синчжи уже бежал, свист ветра в ушах заглушил этот крик. Он не услышал, как его назвали.

Монстр, уже нацелившийся на тень, был взбешен тем, что добыча вернулась. Он взревел, поднял левую руку-бритву и нанес удар.

Сюй Синчжи поднял правую руку для защиты.

Раздался глухой звук пронзенной плоти.

Сюй Синчжи взглянул на свою пробитую ладонь из грушевого дерева и беззаботно свистнул.

Пока монстр не опомнился, он с размаху ударил ногой по его правой руке-бритве, а затем, собрав все силы, вонзил кинжал прямо в сердце чудовища.

Он быстро выдернул лезвие и отскочил на пару метров.

Монстр упал и забился в конвульсиях.

Сюй Синчжи был весь в крови. Преодолевая тошноту, он подошел, наступил на руку монстру и вонзил окровавленный кинжал ему в центр лба.

После этого монстр испустил дух.

Сюй Синчжи еще не успел расслабиться, как услышал позади глухой стук.

Обернувшись, он увидел, что обгоревший человек упал на землю.

Сердце Сюй Синчжи сжалось. Он подбежал и подхватил его:

— Эй!

— На юго-восток, тридцать ли... — прошептал тот слабым голосом. — Отнеси меня туда...

Закончив, он обмяк, словно потеряв сознание.

Глядя на этого незнакомца, Сюй Синчжи почти не раздумывал. Он вытер кинжал о подол одежды, осторожно поднял человека и взвалил его себе на спину, помогая себе здоровой левой рукой и поврежденной правой.

Убедившись, что ноша надежно закреплена, он двинулся на юго-восток.

Наверняка там были союзники этого человека. Если он доставит его туда, то окажет огромную услугу, а заодно сможет спросить, где искать Мэн Чунгуана.

...Отец и сестра дома, они наверняка волнуются.

Нужно вернуться как можно скорее.

Сюй Синчжи погрузился в свои мысли, не заметив, что обгоревший человек на его спине открыл глаза.

Он счастливо прижался к его спине и беззвучно прошептал:

— ...Старший брат...

2. Перерождение

Тридцать ли — путь неблизкий, особенно когда несешь на себе человека, так что шли они медленно. К счастью, человек был легким, словно высохшая мумия, так что нести его было несложно.

Дорога была чистой, здесь не было видно даже насекомых.

Место, куда они направлялись, было приметным.

Даже с расстояния в тридцать ли Сюй Синчжи видел гигантскую башню, уходящую в небо. Она сияла золотом, и только там были следы человеческой деятельности. Даже без указаний он бы направился именно туда.

В Диких землях не было дня, небо было серым, словно затянутое бельмом. Видимо, недавно прошел сильный дождь, воздух был влажным, вокруг бушевала зелень.

Сюй Синчжи пробирался сквозь лес, неся на спине умирающего.

Вокруг было так тихо, что становилось не по себе, и Сюй Синчжи решил насвистывать мелодию. Свист был чистым и звонким.

Он доиграл старинную песенку и сам себя похвалил:

— Отлично сыграно.

Человек за его спиной слегка пошевелился, и горячее дыхание коснулось его шеи.

...Кажется, он улыбнулся.

Но когда Сюй Синчжи обернулся, голова человека по-прежнему безвольно лежала у него на плече.

Наверное, показалось.

Лес сменился скалистыми холмами. Ноги Сюй Синчжи гудели от усталости, и он решил укрыться в сухой пещере.

Внутри была скала, покрытая мхом. Сюй Синчжи попытался опустить человека на землю, но обнаружил, что его руки, словно окостенев, намертво вцепились в его шею, оставляя лишь крохотный зазор для дыхания.

Сюй Синчжи понял: если он попытается его отцепить, то рискует быть задушенным.

<http://bllate.org/book/22484/2370462>